

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

УДК 911.373.4

ВОЛОГОДСКО-КОСТРОМСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ: ОДНОРОДНЫ ЛИ “МЕДВЕЖЬИ УГЛЫ”?

© 2023 г. К. В. Аверкиева^{a, b, *}, Ф. В. Зернов^b

^aИнститут географии РАН, Москва, Россия

^bНациональный исследовательский университет “Высшая школа экономики”, Москва, Россия

*e-mail: k_averkieva@igras.ru

Поступила в редакцию 15.08.2023 г.

После доработки 14.09.2023 г.

Принята к публикации 22.09.2023 г.

В статье рассматривается полоса муниципальных районов на границе Костромской и Вологодской областей — территории, относящейся одновременно к периферии обоих регионов, периферии экономических районов и современных федеральных округов и “внутренней периферии” Европейской России. Эти территории входят в староосвоенное Нечерноземье, которому присущи стремительная депопуляция и сжатие освоенного пространства. Цель исследования состоит в выявлении пространственной дифференциации районов вдоль границы и ее роли в формировании различий между территориями. Были использованы различные методы: изучение исторических карт, анализ современной статистики, методы качественной социологии и полевые наблюдения. Исследование показало преимущественно барьерную функцию региональной границы, во многом обусловленную физико-географическими причинами — водоразделом Волжского и Беломорского бассейнов и конфигурацией рек, вдоль которых исторически формировались локальные системы сельского расселения и транспортные коридоры. Историческая разнонаправленность пространственного тяготения районов по разные стороны границы в сочетании с институциональными барьерами привели к дифференциации экономических и социальных процессов в муниципальных районах. Так, социально-экономические показатели районов с вологодской стороны границы в целом более благополучны и меньше различаются между собой, чем с Костромской стороны. Также исследование позволило выявить чрезвычайно важную роль, которую могли бы играть межрегиональные трассы. При общей тенденции к сокращению сельского населения и фрагментации локальной экономики территории по обе стороны границы неоднородны, формируются различные сочетания функций места. При этом отнести полосу периферийных по отношению ко многим центрам территорию к зоне стихийно формирующегося природного резервата преждевременно.

Ключевые слова: межрегиональная граница, барьерная функция границы, периферийность, Нечерноземье, Костромская область, Вологодская область

DOI: 10.31857/S2587556623080046, **EDN:** GORSJM

ВВЕДЕНИЕ

Проблематике межрегионального взаимодействия в современной российской географической науке уделяется куда меньше внимания, чем международному. Отчасти это можно объяснить сверхцентрализацией процессов управления и строго выстроенной управленческой вертикалью, которая не стремится развивать горизонтальные связи между субъектами Федерации.

Можно предположить, что в условиях периферийного положения большинства приграничных районов по отношению к региональным центрам и экономическим центрам своих макрорегионов, различия в социально-экономических показателях между районами по обе стороны границы не будут велики, а долговременно существующая

граница, почти лишенная транспортных переходов, будет усиливать периферийность и усугублять кризисные процессы. Чтобы проверить это предположение и оценить роль межрегиональных границ в дифференциации периферийных территорий была выбрана полоса приграничных районов в Костромской и Вологодской областях.

С одной стороны, эти территории схожи. Граница, хотя и проходит по водоразделу, не является значимым ландшафтным рубежом, это зона южной тайги, граница со среднетаежной зоной проходит немного севернее¹. В обеих областях с выраженным эксцентриситетом административ-

¹ Исаченко А.Г. Карта ландшафтов / Экологический атлас России. https://landscapeedu.ru/images/maps/fgr/ecorusatlas_landscapes.jpg (дата обращения 21.08.2023).

ного центра почти все районы, выходящие к рассматриваемой границе, являются периферийными, отличаются долговременным миграционным оттоком и характеризуются крайне низкими показателями плотности населения (менее 2 чел./км², не считая полупригородных Грязовецкого с Вологодской и Буйского с Костромской стороны). В приграничных районах нет крупных районных центров — только малые города, не являющиеся региональными субцентрами и почти не оказывающие заметного влияния на сельское окружение. С другой стороны, административная граница между Костромской и Вологодской областями совпадает с границей макрорегионов — Центра и Европейского Севера, что может усиливать ее барьерность хотя бы для формирования локальной идентичности (Вендина, Зиновьев, 2022; Колосов, 2022). Вологодская и Костромская области заметно различаются как по людности административных центров, так и по размеру экономики, степени дотационности бюджета, что позволяет ожидать от них различных региональных механизмов поддержки локальной экономики и местных институтов развития.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование опирается на теории приграничного взаимодействия, разработанные классиками отечественной лимнологии. Основные подходы к оценке барьерности и контактности границ были сформулированы В.Е. Шуваловым еще в 1980-х годах и доработаны позже (Шувалов, 2022). В случае с границей между Костромской и Вологодской областями можно говорить о формировании “пассивной барьерной зоны” (Каганский, 2022), поскольку в районах вдоль границы фиксируется не только низкая плотность населения, но и обилие очень слабозаселенных пространств, культурный ландшафт фрагментирован и характеризуется наличием “пустого пространства”. Подобные линейно вытянутые “медвежьи углы” Б.Б. Родоман (2022) предлагает рассматривать как стихийно формирующиеся ребра эконета, вдоль которых должны размещаться заповедные природные территории. Кроме того, районы вдоль границы областей относятся к “внутренней периферии”, предложенной В.Л. Каганским (2015). В данном случае приграничные районы представляют собой ту самую “совокупность периферий внутренних регионов”, им присущи все выделенные Каганским черты: здесь деградирует культурный ландшафт, заметны депопуляция и упадок базовых отраслей экономики, фрагментация освоенного пространства, слабы соседские связи, и в то же время эта зона “территориально велика и богата неожиданностями” (Каганский, 2015, с. 25).

Данное исследование построено на сочетании различных методов, в первую очередь — историко-географических, статистического анализа, картографических, социологических, комплексных полевых исследований. Работа включала в себя анализ исторических источников, диагностику социально-экономического положения муниципальных районов и сельских поселений вдоль региональной границы. Проводились исследования как различий между приграничными районами в пределах каждого региона в сравнении с ситуацией в регионе в целом, так и различий между парами регионов по обе стороны границы и выявлении межрегиональных градиентов.

Статистические данные были получены из Базы данных показателей муниципальных образований, предоставляемой Росстатом (БДПМО), а также из материалов Всероссийской переписи населения 2020 г. и из отчетных материалов администраций муниципальных районов. В рамках полевых исследований, которые проводились в 2019 г. в Тотемском районе и в 2023 г. в Никольском и Бабушкинском районах Вологодской области, изучались основные межрегиональные транспортные коридоры и механизмы межрегиональной коммуникации.

В ходе экспертных интервью с представителями администраций муниципальных образований и глав (в том числе бывших) сельских поселений обсуждались вопросы взаимодействия между территориями: сельскими поселениями, районами и регионами, а также современные социально-экономические процессы, слабо отражаемые статистикой. Всего в трех районах было проведено 22 структурированных экспертных интервью. Кроме того, привлекались материалы экспертов, долгое время проводящих включенные и дистанционные наблюдения за развитием приграничных районов с костромской (А. Зайцев, разработавший туристический маршрут “ВГлубинку”, соединивший Галич, Чухлому, Солигалич и Тотьму) и вологодской (А.М. Новосёлов, директор Тотемского музейного объединения) сторон.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исторические и физико-географические предпосылки межрегионального взаимодействия

Территории, протянувшиеся вдоль границы Костромской и Вологодской областей, объединяет общая логика пространственного освоения. Основными осями заселения этих земель становились реки, только в случае Костромской области — Волжского бассейна (Кострома, Унжа, Ветлуга), а Вологодской — Беломорского (Сухона, Старая Тотьма, Юг). Граница шла почти по водоразделу, повторяя линию Северных Увалов, а Вологодские и Костромские земли, хотя и имели

связь по системам волоков, все же были повернуты друг к другу спиной и тяготели к разным экономическим полюсам.

Конфигурация речных бассейнов заложила разнонаправленность потоков и зон тяготения территорий по разные стороны современной границы, а пространственная ориентация течения рек во многом предопределила характер межрайонного взаимодействия в пределах современных регионов. Так, Сухона, протекающая в основном субширотно, связывала протянувшиеся на восток Вологодские земли между собой. В Костромской губернии Кострома, Унжа и Ветлуга протекают субмеридионально, усложняя субширотное передвижение по губернии; и сейчас это приводит к пониженной связности муниципальных районов между собой. Протянувшаяся на сто километров южнее границы Транссибирская магистраль частично решила эту проблему, но не для выходящих к Вологодской границе районов, и она, скорее, усугубила поляризацию, создав новые мощные точки притяжения на юге в виде Мантурово и Шарьи.

Возраст административной границы между современными областями сильно старше самих областей, во многом граница унаследована еще со времени существования Вологодской и Костромской губерний, и многочисленные изменения АТД (Тархов, 2002) слабо затрагивали полосу приграничных территорий, особенно в западной части, хотя на востоке происходили неоднократные смены административной принадлежности территорий. Так, Ветлужский и Варнавинский уезды передавались из состава Костромской губернии в Нижегородскую, позже Ветлужский уезд дробился, а его северные и западные волости (Вохомская, Пыщугская, Шарьинская, ряд других) передавались неоднократно между соседствующими регионами. Лишь к 1944 г. граница обрела современный вид, когда из состава Вологодской области в Костромскую были переданы Вохомский и Павинский районы. Такие административные перемещения районов также не способствовали формированию горизонтальных связей между приграничными районами Костромской области.

Костромская и Вологодская губернии, а впоследствии и области, тяготели к различным макрорегионам. Еще П.П. Семенов-Тянь-Шанский (Живописная Россия, 1898) включил Вологодскую губернию в Крайнюю Северную область, а Костромскую — в Московскую промышленную; районирование Госплана (Баранский, 1927) относило Вологодскую к Европейскому Северу, а Костромскую — к Центру. В районировании серии книг для порайонного описания экономико-географических характеристик, изданных в Академии наук СССР в начале 1960-х годов (более из-

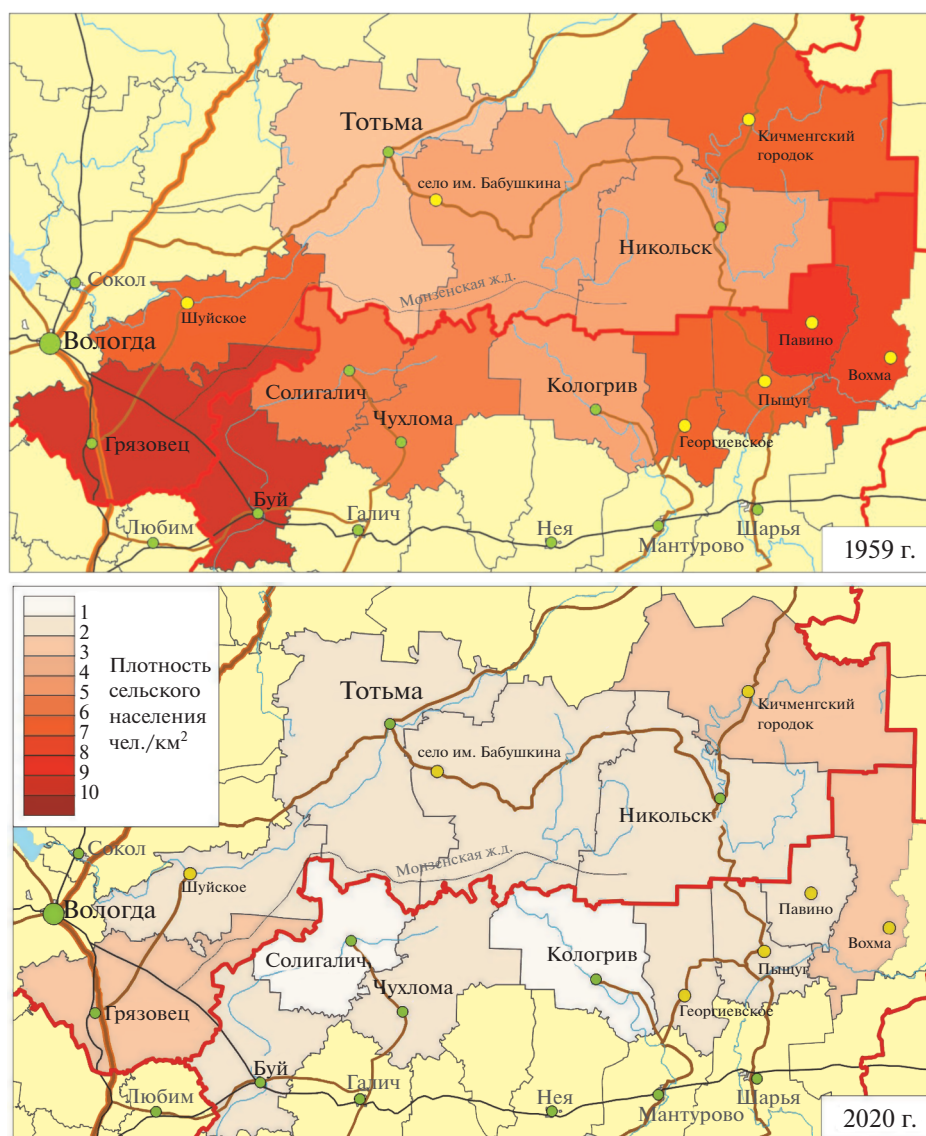
вестной как “Синяя серия”), Костромская область была включена в состав Волго-Вятского экономического района (Волго-Вятка, 1961), а Вологодская — в Северо-Запад (Северо-Запад, 1964). В современной сетке федеральных округов области также оказались в разных округах.

А в культурно-географическом районировании области, особенно рассматриваемая в данном исследовании приграничная полоса, нередко оказываются включенными в одни районы. Обе они могут быть включены в культурный макрорегион Русский Север. Обычно его ядром принято считать Вологодскую и Архангельскую области, но и Костромская область также может быть отнесена к нему (Калуцков, 2005). Также обе области относятся к неформальному району Ближнего Севера (Ойкумена ..., 2016) — северной части староосвоенного Нечерноземья, где культурный ландшафт формировался в рамках аграрного, а не промышленного освоения.

Дифференциация показателей: население, сельское и лесное хозяйство

Показателей, позволяющих дать количественную оценку дифференциации районов на границе областей, сравнительно немного. В данном исследовании использовались те, которые служат основным индикаторами, характеризуют наиболее важные социальные и экономические процессы. Из-за несопоставимости статистики (как между регионами, так и по годам) из статистического анализа был исключен лесной бизнес (лесозаготовки и деревообработка), его характеристика может опираться только на аналитические материалы и косвенные оценки.

Размещение населения и демографические характеристики. Костромская и Вологодская области — регионы с очень разреженным и неравномерным расселением. Обе области отличаются сильным эксцентриситетом региональных центров (в случае Вологодской области — регионального центра и Череповца), которые сосредотачивают половину жителей каждой области. Региональные центры смещены к западу, а восточные районы, которые и граничат между собой, отличаются периферийным положением и низкой транспортной доступностью. Лишь самые западные из рассматриваемых муниципалитетов, Грязовецкий в Вологодской области и Буйский в Костромской, имеют полупригородное положение, т.е. граничат с районами, прилегающими к региональным столицам. Наиболее восточные районы удалены от региональных центров на сотни километров (Вохма от Костромы, как и Кичменгский Городок от Вологды, удалены на 480 км). Периферийность и низкая транспортная доступность, как показывают многочисленные исследования (Нефедова и др., 2022; Kühn, 2013), усиливают

Рис. 1. Плотность сельского населения по районам вдоль региональной границы Вологодской и Костромской областей, 1959 и 2020 гг.

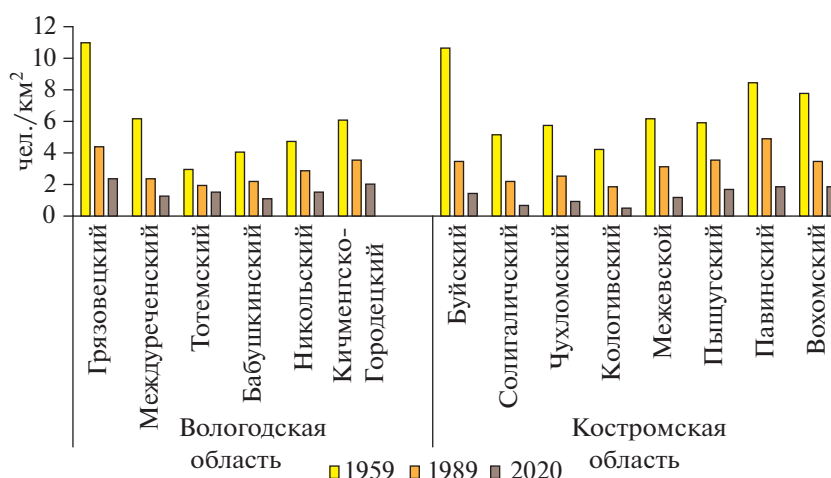
Составлен авторами по материалам Всесоюзной переписи населения 1959 г. и Всероссийской переписи населения 2020 г.

негативные социально-экономические процессы, особенно в условиях разреженного расселения.

Все изучаемые районы по обе стороны границы отличаются крайне низкой плотностью сельского населения. Еще до массового оттока сельских жителей во второй половине XX в. (хотя эти нечерноземные земли начали терять жителей уже в конце XIX в. из-за массового несельскохозяйственного отхода) плотность сельского населения за исключением самых западных районов редко превосходила 7–8 чел./км², а сейчас средний показатель вдоль всей приграничной полосы составляет чуть менее 1.5–2 чел./км², и по этому по-

казателю районы отличаются между собой незначительно (рис. 1).

В то же время рис. 2 показывает, что приграничная полоса была куда более неоднородной и различия сохраняются до сих пор. Плотность населения не сильно отличается между регионами, в Костромской области она была в среднем чуть выше, чем в Вологодской, но сейчас заселенность районов с вологодской стороны чуть выше (1.7 в Вологодской и 1.4 чел./км² в Костромской). Различия между районами внутри каждой области велики, плотность населения в каждой области снижается с запада на восток к центральной части приграничной полосы, в районе наименее проницаемой

Рис. 2. Плотность сельского населения по районам вдоль региональной границы, 1959, 1989 и 2020 гг.

Составлен авторами по материалам Всесоюзных переписей населения 1959 и 1989 гг., Всероссийской переписи населения 2020 г.

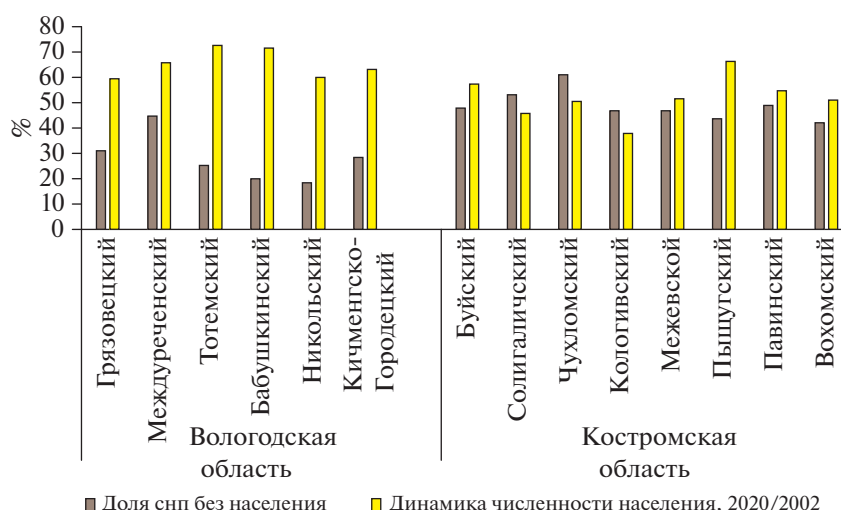
лесной границы (условно, между современными Бабушкинским и Кологривским, Межевским районами), а затем возрастает к восточным районам, где сложились особые ландшафтные условия (возвышенные и хорошо дренированные участки, которые привлекали значительное число сельского населения — “Вохомская сушь” и др.). Еще в середине XX в. плотность сельского населения в Кичменгско-Городецком, Павинском и Вохомском районах была 6–8 чел./км², а сейчас она стала чуть выше 2 чел./км², но и эти небольшие значения выше, чем в центральном прогибе профиля, где плотность сельского населения не достигает и 1 чел./км².

За время, прошедшее после переписи населения 1959 г., заметно снизилась дифференциация плотности населения между районами, внутри каждой области отставание районов центральной части приграничной полосы от районов-лидеров стало менее заметным. В то же время градиенты между районами по обе стороны границы стали расти, в прошлом менее заселенные районы с вологодской стороны теперь характеризуются более высокой плотностью населения. Например, Тотемский район обогнал Солигаличский, но отчасти это объясняется передачей в состав Тотемского района двух лесопунктов из Солигаличского; Бабушкинский район оказался более заселенным, чем Кологривский, и градиент между этой парой районов только нарастает. А в восточной части границы различия постепенно сокращаются. Никольский район почти сравнялся с Пыщугским, Вохомский и Кичменгско-Городецкий характеризуются одинаковыми показателями плотности сельского населения.

В то же время показатели распределения населения по населенным пунктам заметно различа-

ются в силу разного характера сельского расселения. В северной и восточной частях Костромской области чаще формировались долинные мелкоселенные системы расселения на фоне обширных лесных массивов, здесь и сейчас почти не осталось населенных пунктов с населением свыше 200 человек (в каждом районе их всего по два-три, в Солигаличском, Кологривском и Павинском и вовсе по одному). Следствием разреженности и мелкоселенности является высокая доля сельских населенных пунктов без населения и стремительная депопуляция. В Костромской области в целом не имеют постоянного населения 44% пунктов, в рассматриваемых районах вдоль региональной границы этот показатель доходит до 50–60% (рис. 3).

В Вологодской области сочетаются различные типы сельского расселения, но в районах вдоль границы с Костромской областью распространено кустовое, или крупноочаговое расселение (Солдатова, 2010), в пределах кустов численность населения бывает более стабильной, а доля населенных пунктов без населения не столь высокой. Так, в среднем без постоянного населения в полосе вдоль изучаемой границы осталось 29% пунктов, в Никольском и Бабушкинском районах — около 20%. Во всех районах насчитывается большее число крупных (свыше 200 чел.) населенных пунктов (по 7–10 на каждый район, бывает и больше). Это следствие кустового расселения [в пределах кустов жители сосредотачиваются в центральном пункте (Аверкиева, 2021a)] и наследие леспрохозов, от которых и сейчас на территории районов остаются относительно крупные на фоне исторических деревень лесопункты (в том числе поселки при станциях Монзенской железной дороги, которые неоднократно меняли

Рис. 3. Доля сельских населенных пунктов без населения и динамика численности сельского населения 2020/1989 гг. по районам вдоль региональной границы.
Составлено авторами по материалам Всероссийской переписи населения 2020 г. и Всесоюзной переписи населения 1989 г.

территориальную принадлежность, но сейчас оказались в составе Вологодской области).

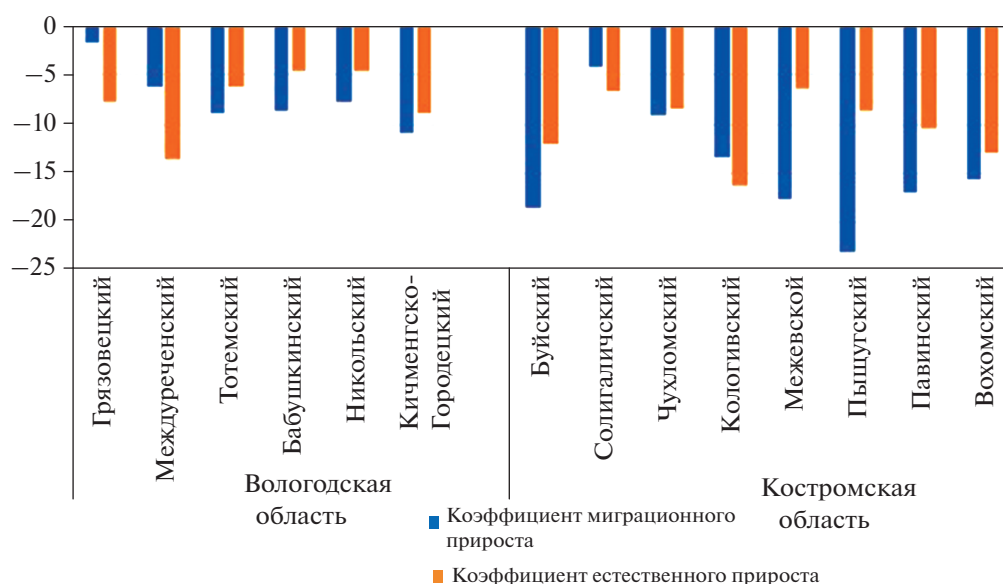
Динамика сельского населения по обе стороны региональной границы долгое время остается отрицательной. С 1959 г. численность населения стремительно сокращалась, к настоящему времени с Вологодской стороны в среднем втрое, с Костромской — в пять раз. Если рассматривать только постсоветскую динамику, то и в этом случае для районов Вологодской области в среднем характерна меньшая убыль. Все районы сохранили хотя бы 50% сельского населения от численности 1989 г., Тотемский — свыше 70%, но это связано с сельским статусом крупного поселка Юбилейный при нефте- и газокompрессорных станциях. В Костромской области темпы убыли выше, Кологривский район потерял 3/4 сельских жителей, Солигаличский — 2/3. Такая стремительная депопуляция складывается из долговременных миграционного оттока и естественной убыли населения, а они влияют на возрастную структуру населения. Так, доля жителей старше трудоспособного возраста во всех приграничных районах Костромской области превосходит 30%, а в наиболее стремительно теряющем жителей Кологривском достигает почти 40%. В рассматриваемых районах Вологодской области доля пожилых редко превосходит 30% (за исключением Междуреченского, где она составляет 33%).

Коэффициент естественного прироста планомерно снижался, а в последние 10 лет стал отрицательным, при этом в исследуемых районах Вологодской области убыль в среднем была ниже, чем у исследуемых районов Костромской области и менее дифференцирована по районам (рис. 4).

Наименьшая убыль была у Тотемского, Никольского и Бабушкинского районов, а наибольшая у Междуреченского, показатели которого приближались к самым депрессивным в демографическом плане районам по южную сторону границы. В Костромской же области разница в коэффициенте естественного прироста между районами больше. Наименьшая убыль в Солигаличском, Чухломском и Пыщугском районах, а наиболее сильная отмечена у Межевского, Вохомского и Кологривского районов, последний из которых на протяжении всего периода исследования являлся аутсайдером и сильно выбивался даже на фоне своих депрессивных соседей, достигнув в 2019 г. показателя в -25% .

Коэффициент миграционного прироста, усредненный за несколько лет, отрицателен во всех районах по обе стороны границы, миграционный отток идет в первую очередь в более крупные центры (Карачурина, Мкртчян, 2016). Он менее дифференцирован по районам Вологодской области и имеет меньшие значения, чем в Костромской. Меньшая миграционная убыль характерна для Грязовецкого и Тотемского районов, наибольшая — в самом периферийном Кичменгско-Городецком. В Костромской области аутсайдером оказался Пыщугский район, где коэффициент миграционного прироста составил -23% , межрайонные различия велики (см. рис. 4).

Демографическая ситуация в целом менее дифференцирована и более благополучна в районах Вологодской области. В то же время в обеих областях дифференциация демографических характеристик по районам вдоль границы в боль-

Рис. 4. Коэффициенты естественного и миграционного прироста по районам вдоль региональной границы, в среднем за 2017–2019 гг., %.

Рассчитано авторами по данным БДПМО.

шей степени подчиняется центр-периферийной логике в пределах своих регионов.

Сельское хозяйство. Показатели, характеризующие сельское хозяйство, более контрастны. Оно рассматривается как индикатор экономического развития (хотя это не вполне верно, поскольку многие из рассматриваемых районов в большей степени зависят не от сельского, а от лесного хозяйства, при том что и его вклад в формирование дефицитных бюджетов невелик, особенно со стороны Костромской области).

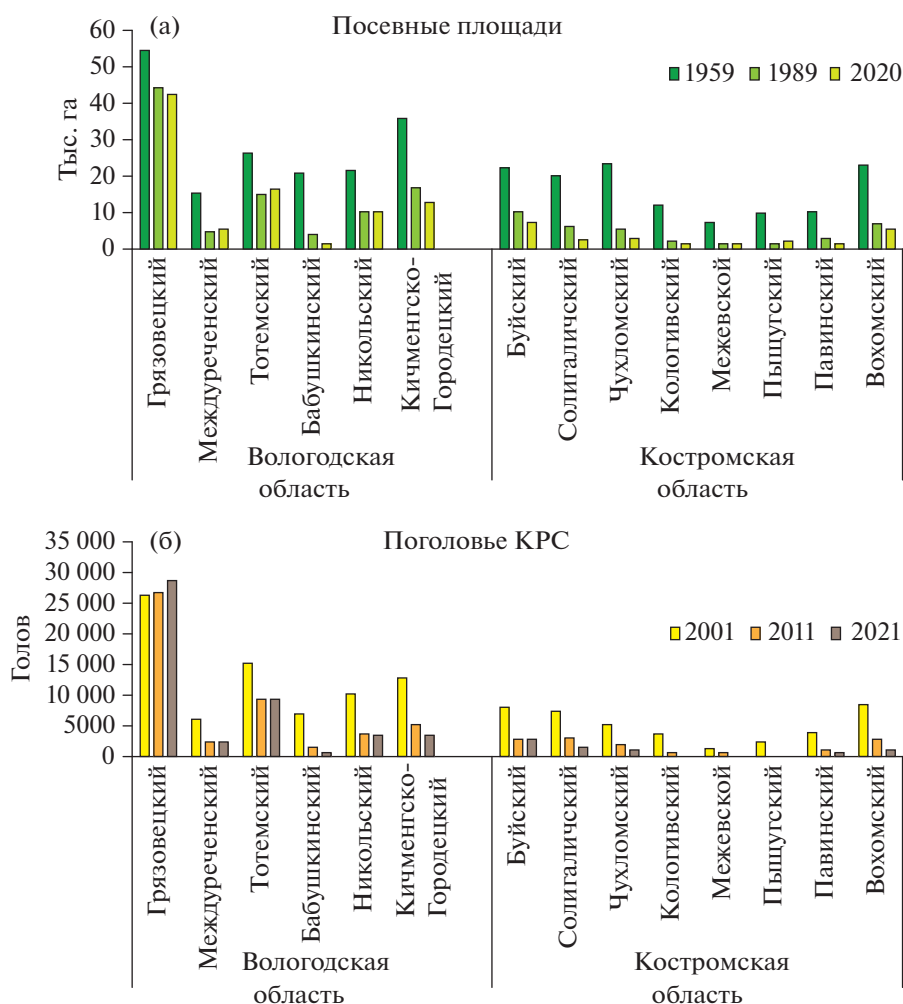
Исторически территория Костромской и Вологодской областей имела молочную специализацию сельского хозяйства, когда основной продукцией было более транспортабельное, чем молоко, сливочное масло, которое в советский период (с послевоенного времени до середины 1980-х годов) забирали из периферийных районов посредством малой авиации. Растениеводство всегда имело подчиненную роль, не считая льноводства, которое постепенно сокращалось практически повсеместно. Для обоих регионов, как и для большинства областей российского Нечерноземья, характерно стремительное сокращение всех показателей аграрного производства в постсоветское время, но тенденции последних лет усиливают дифференциацию территорий.

Если рассматривать молочное производство в целом, то Вологодская область, несмотря на сокращение поголовья по сравнению с концом советского периода вдвое, производит молока даже больше, чем в 1991 г., и динамика остается положительной. В Костромской области поголовье

сократилось втрое, а производство молока — наполовину. При этом в обеих областях произошло территориальное перераспределение в производстве молока: основной объем сосредоточился в пределах нескольких, как правило, пригородных и полупригородных районов (Нефедова, 2021), а на периферии производство сокращалось или даже исчезало. Динамика и глубина кризиса молочной отрасли оказалась разной.

В Вологодской области с огромным отрывом от всех рассматриваемых районов идет Грязовецкий район, где поголовье и производство молока растут, а количественные показатели превосходят любой из районов в разы, а некоторые — на порядок. Это связано с чрезвычайно выгодным географическим положением района: он одновременно самый южный в Вологодской области, значит агроклиматические условия в нем чуть лучше, чем в других, соседствует с пригородным Вологодским и расположен на трассе М8, что позволяет легко вывозить молоко и готовую продукцию как в направлении Москвы, так и в другие районы области. В то же время в Грязовце есть свое крупное предприятие по переработке молока. Молочное поголовье растет и в других районах, особенно в тех, где сохраняется переработка: Тотемском, Никольском. Однако в наиболее лесном Бабушкинском районе в 2022 г. было ликвидировано последнее молочное хозяйство, скот остался только в ЛПХ и у фермеров.

В приграничных районах Костромской области, особенно в срединной зоне (в характерном прогибе профиля, который имеют гистограммы по большинству показателей, рассматриваемых в

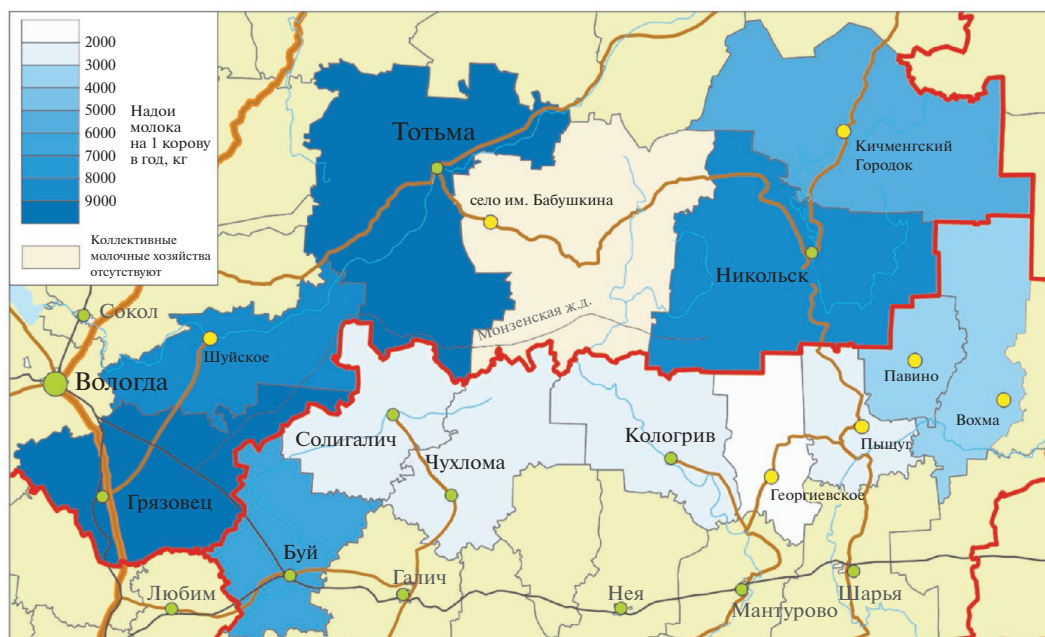
Рис. 5. Динамика поголовья КРС (а) и посевных площадей (б) по районам вдоль региональной границы, 2000–2021 гг. Составлено авторами по материалам БДПМО.

исследовании, в том числе на рис. 5а, б), молочное хозяйство ушло или находится в стадии ликвидации. В Межевском, Павинском и Пыщугском районах в каждом остается по 300–400 голов скота. Чуть лучше ситуация в Солигаличском и Вохомском районах, где еще действуют молокозаводы, но и там динамика производства имеет тенденцию к сокращению.

Аналогичная ситуация и в растениеводстве. Посевные площади с вологодской стороны сократились вдвое, а с костромской – в четыре раза. При этом в отдельных районах сокращение оказалось почти фатальным: в Бабушкинском (Вологодская область) осталось лишь 8% от значений 2000 г., в отдельных районах Костромской области – по 15–18%.

Самые яркие контрасты, в значительной мере отражающие глубину разрыва в развитии основной сельскохозяйственной отрасли, – это продуктивность скота, т.е. надой молока на одну ко-

рову (рис. 6). Вологодская область еще с советского периода сохраняла высокие на фоне общероссийских показателей надой, и сейчас даже рассматриваемые районы (а они уступают лидерам – пригородному Вологодскому, Череповецкому и Шекснинскому) все равно имеют показатели свыше 8000 кг на одну корову в год, а районы с костромской стороны границы – чуть больше 3000 кг, для современного периода это индикатор крайне бедственного положения отрасли. В Межевском и Пыщугском районах надой не достигают и 2500 кг. Причины кроются не в обеспечении кормами (с костромской стороны на каждую голову КРС приходится в 1.5–2 раза больше площадей, засеянных кормовыми культурами), а в общих принципах ведения молочного хозяйства. С вологодской стороны, вероятно, в силу относительно меньшего оттока сельского населения сохранилось больше специалистов, готовых работать над повышением продуктивности скота, осваивать новые технологии и улучшать

Рис. 6. Надои молока на одну корову в сельскохозяйственных предприятиях по районам вдоль региональной границы Вологодской и Костромской областей, 2021 г., кг.

Составлен авторами по данным паспортов муниципальных районов.

породный состав. Хозяйства с костромской стороны работают, скорее, по инерции, редко обновляя фонды и принципы ведения хозяйства.

В районах с наиболее сложным положением сельского хозяйства происходит, однако, не только тотальный спад любой аграрной деятельности. Полевые исследования показали, что в периферийных районах формируются новые отрасли специализации и новые уклады аграрного производства, опирающиеся не столько на коллективные хозяйства (наследники советских колхозов и совхозов), сколько на фермеров, хотя как Костромская, так и Вологодская область считаются одними из наименее фермерских регионов России. Так, в последние 10 лет отмечается рост посевных площадей именно в фермерских хозяйствах отдельных районов, в Никольском — в 5 раз, Кичменгско-Городецком — в 2 раза, в Пыщугском — в 9 раз (отчасти такие показатели прироста в Пыщугском связаны с низкой базой, рост с 250 до 2100 га). В этих районах КФХ постепенно занимают нишу коллективных хозяйств [аналогичная практика отмечается и в других районах Нечерноземья, см. (Староосвоенные ..., 2021, с. 239)] и начинают производить различную продукцию в рамках внутрисельского разделения труда: молоко, мясо, овощи, в первую очередь для реализации в пределах района.

В Никольском районе Вологодской области рост фермерства связан с увлечением мясными породами скота и неформальным встраиванием в

цепочки крупнейших агрохолдингов мясной специализации. Так, фермеры Никольского района (в перспективе рассматривается включение ряда хозяйств из Бабушкинского и Кичменгско-Городецкого), объединенные в кооператив и работающие самостоятельно, выращивают телят абердин-ангусской породы. Их задача — получение телят, которых надо дорастить до 6–9 месячного возраста, после чего их покупают представители крупных откормочных хозяйств и перевозят в другие регионы, ближе к кормам или к потребителю. Для такой технологии и такого породного состава периферийные районы, где много пастбищ, вполне подходят.

В условиях депопуляции и острого дефицита кадров создавать крупные хозяйства уже нет возможности — работает только механизм, аналогичный механизму “опорного фермерства”², который был опробован в Краснодарском крае и ранее не встречался в районах Нечерноземья. В данном случае работает один опорный фермер, отвечающий за централизованные закупки кормов, ветеринарных препаратов и за сбыт (а также оказывающий юридическую поддержку всем фермерам), и есть около 7–8 фермерских хозяйств в радиусе 70–100 км, которые включены в кооператив, но ведут хозяйство самостоятельно.

² Опорный фермер в рамках закона / Ассоциация крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов России. <https://www.akkor.ru/en/node/3755> (дата обращения 21.08.2023).

Новая специализация, промежуточная для мясного скотоводства, делает сельское хозяйство в таких районах почти невидимым, поскольку они не производят конечной продукции, которая могла бы попадать в набор привычных показателей развития сельского хозяйства (продуктивность скота, объемы произведенной или реализованной продукции).

То, что подобная кооперация и фермерство как форма ведения бизнеса встречается в Нечерноземье, уже необычно. Схожие механизмы встречаются и в Костромской области, но не в приграничной полосе, а в районах, расположенных ближе к региональному центру (например, в Галичском, где уже много заброшенных сельскохозяйственных угодий, но еще сохраняются кадры и сохраняется коммуникация с региональным центром и другими регионами). Местонахождение фермерского кооператива с современной специализацией в наиболее удаленном от регионального центра районе Вологодской области свидетельствует о лучшей межрайонной коммуникации и, вероятно, о лучшей сохранности человеческого капитала с вологодской стороны границы.

Лесопромышленный комплекс (ЛПК). Показателей, позволяющих адекватно оценить развитие ЛПК и проиллюстрировать дифференциацию районов по уровню развития лесозаготовок и деревообработки, нет. Хотя важная роль ЛПК в двух лесных областях очевидна. То, что динамика отрасли по Костромской и Вологодской областям была различной, было показано еще в работах И.Ф. Кузьмина (2010), и с тех пор Костромской области так и не удалось преодолеть отставание хотя бы в удельных показателях. Периферийные приграничные районы с костромской стороны, хотя и являются лесными, не отличаются развитой лесозаготовкой и не имеют больших предприятий деревообработки.

Сохранению и развитию ЛПК в Вологодской области способствовали усилия самих лесозаготовителей. Адаптируясь к новым условиям лесного кодекса, в ряде районов, в том числе Никольском и Бабушкинском, формировались объединения предпринимателей, которые выступали на лесных аукционах как единая структура, что позволяло, с одной стороны, получать обширные участки леса в аренду и конкурировать за них с крупными игроками, а с другой, совместно вкладывать средства в развитие деревообработки, по аналогии с аграрной крестьянской кооперацией. В Костромской области такая практика не выявлена. Вероятно, как и в случае с появлением института “опорного фермерства”, причины стоит искать в более высоком человеческом капитале (в

силу меньшего оттока) с вологодской стороны, а также в более развитых горизонтальных связях между районами Вологодской области, позволяющих обмениваться опытом.

Немаловажную роль в предотвращении краха Вологодского ЛПК сыграла Монзенская ведомственная железная дорога и наследие Монзенского леспромпхоза. Он формировался именно в глухой приграничной полосе, где Б.Б. Родоман (2022) ожидал формирования необходимого для эконета ребра экологического каркаса. Вместо этого в советское время лесной стык двух регионов пронзила лесовозная дорога с сетью крупных пристанционных поселков-лесопунктов. Она была почти внетерриториальной, внеадминистративной: многие пункты входили в состав леспромпхоза, их снабжение и обслуживание осуществлялось по ведомственной системе, которая не учитывала административные границы. После распада леспромпхоза они неоднократно передавались не только из района в район, но и из области в область (Аверкиева, 2021). В итоге как лесопункты, так и дорога оказались на территории Вологодской области, дорога строилась вплоть до конца 1990-х годов и использовалась по назначению почти весь сложный постсоветский период. Сейчас движение по ней не очень активно, но при росте цен на лес (как было, например, в 2020–2021 гг.) она становится востребованной. Подчеркнем, что Костромская область (за исключением Солигаличского известкового комбината, к которому ведет отдельная ветка) не имеет доступа ни к дороге, ни к инфраструктуре лесопунктов, что заметно осложняет вывоз леса из районов вдоль региональной границы.

Сейчас ни в одном из рассматриваемых районов нет крупных компаний деревообработки. В Костромской области существует несколько крупных переработчиков южнее, в частности новый Галичский фанерный комбинат (входит в корпорацию “Сегежа групп”), завод “Кроностар” в Шарье и фанерный комбинат в Мантурово (относится к группе компаний “СВЕЗА”), они являются главными центрами переработки костромской древесины. В Вологодской области более западные районы вывозят древесину на переработку в Шексну и Сокол, более восточные — под Великий Устюг и в соседнюю Архангельскую область, на Коряжемский ЦБК. Наличие трассы 34Р10 (Урень—Шарья—Никольск—Котлас) позволяет вывозить лес также в Нижегородскую область, на Правдинский ЦБК. Но своя переработка на периферии все же существует, в большей степени — в Вологодской области. Так, в Бабушкинском и Никольском районах развивается лесопиление, увеличивается глубина деревообработки. Недавно в п. Юрманга около

села им. Бабушкина был пущен в строй завод по производству березового шпона, имеются предприятия деревянного домостроения. Простейшая распиловка существует и в каждом периферийном районе Костромской области.

Транспортная (не)проницаемость границы. Контрасты в развитии районов отчасти объясняются слабой проницаемостью границы, смягчить которую смогли бы пересекающие ее дороги. Но, как неоднократно замечали классики (Родоман, Каганский и др.), большинство региональных дорог так и не переходят через административный барьер, заканчиваясь в сельских населенных пунктах, наиболее приближенных к границе. Но так было не всегда. Участок границы между Костромской и Вологодской областями в прошлом пересекали два транспортных коридора — два водных пути, дублированных гужевыми трактами.

На западе по долинам рр. Костромы и Толшмы проходил Солигаличский торговый тракт, часть большой Галичской соляной дороги. Он соединял бассейны Волги и Белого моря (от Волги по р. Костроме, затем волок до р. Толшмы, впадающей в Сухону, а оттуда через Северную Двину в Архангельск). Сейчас этот путь существует почти как фантом, как полоса некогда очень бойких, а теперь стремительно депопулирующих сел (Аверкиева, 2021). Насколько стремительным было его развитие и последующее падение, показано в книге вологодского историка Д.А. Пшеницына (2016). На востоке существовал водный путь, соединявший те же бассейны, но по рр. Ветлуге и Югу, который позже дополнила “государева дорога” (Каплин, 2014). Она просуществовала длительное время, но к XX в., как и Солигаличский тракт, утратила свое значение. К середине XX в. обе дороги были в очень плохом состоянии, их реконструкция не входила в приоритеты руководства ни Костромской, ни Вологодской областей.

Сейчас дорога от Солигалича к Тотьме существует лишь в виде зимника, проезжего даже зимой не на любом автомобиле. В советский период, в послевоенные годы, когда лесопункты Монзенского леспромпхоза Гремячий и Карица административно были подчинены Солигаличскому району Костромской области, дорога от Солигалича до Гремячего (она проходила не совсем по старинному тракту, но близко) поддерживалась. Но после передачи лесопунктов в состав Вологодской области к лесопунктам подвели дороги (с улучшенным покрытием, но не асфальтированные) со стороны Тотьмы. Дорогу от последнего со стороны Костромской области населенного пункта, Куземино, передали с регионального уровня на районный, средств на ее поддержание не было, и

она оказалась в плачевном состоянии. Было время, когда транспортная связь между Солигаличским районом и Вологодской областью осуществлялась по Монзенской железной дороге, но сначала было ликвидировано пассажирское сообщение на регулярной основе, позже, после аварии с туристической мотрисой, стали запрещены любые пассажирские перевозки.

Тем не менее жители Гремячего и Карицы по-прежнему пользуются реликтом дороги от Солигалича к Тотьме, если позволяют погодные условия. Им ближе до Солигалича, чем до Тотьмы, и путь в сторону Костромы и Москвы можно таким образом сократить на 150 км. Пересечение границы в любой сезон, кроме зимнего, прекрасно укладывается в описание Б.Б. Родомана (2022, с. 55): *“Чтобы пересечь границу, надо идти пешком, по старым тропам, давно изуродованным следами тракторов и вездеходов, которыми пользуются разве что грибники, а то и через лесную чащу по азимуту. Пересечение межобластных границ в российской глубинке подобно преодолению горного перевала — и по затрачиваемым усилиям, и по профилю кривой на графике передвижения”*.

Эта дорога интересна не только жителям приграничной полосы. Ее реконструкция (а речь идет буквально о 12 км бездорожья, остальные участки проезжие) — предмет дискуссий между активистами из Солигаличского и Тотемского районов и муниципальными властями и губернаторами областей. По мнению активистов, она не только могла бы улучшить проницаемость границы и связность территорий, но и стать основой формирования нового туристического кластера Галич—Асташево—Солигалич—Тотьма, создать новый обширный кольцевой маршрут, быть дублером трассы М8. Дополнительным аргументом активисты считают развитие находящегося у границы с Солигаличским районом с вологодской стороны села Никольского, где находятся два музея и АНО “Бирюзовый дом”, посвященные поэту Н. Рубцову, в перспективе здесь планируется создавать музей-заповедник поэта.

Если власти Тотемского района и Вологодской области в целом с интересом рассматривают вариант достройки дороги, то в Костромской области власти настроены скептически, поскольку опасаются, что содержание такой дороги ляжет тяжелым бременем на скудный региональный бюджет, а активизация трансграничного транспортного потока увеличит нагрузку на всю региональную трассу Солигалич—Чухлома—Галич—Судиславль, что потребует больших средств на ее обслуживание. Опасения небезосновательны, потому что новым транспортным коридором с большой

вероятностью будут пользоваться представители лесного бизнеса, тем более что в Галиче недавно был открыт новый крупный фанерный завод.

Предыстория восточного коридора, связывающего Пыщуг и Никольск, во многом похожа. Но в отличие от западного он сейчас существует и имеет важное межрегиональное значение. К концу XX в. он, как и Солигаличский тракт, существовал в виде реликтового и сезонно проезжего. Но в 1997–1998 гг. появилась асфальтовая дорога межрегионального значения, связавшая два районных центра, Никольск с вологодской и Пыщуг с Костромской стороны. Во многом здесь сыграла роль воля главы Никольского района, настолько удаленного от Вологды, что выход на Волгу и в Костромскую область, который существовал в прошлом, виделся главе одним из возможных импульсов к развитию территории. Добиться строительства дороги он смог не сразу, а лишь после объединения усилий губернаторов сразу нескольких областей (Вологодской, Костромской, Кировской и Нижегородской).

Сейчас эта трасса действительно связывает между собой не только Вологодскую и Костромскую области, но и Архангельскую, Кировскую и Нижегородскую, это заметно по структуре транспортного потока. Также полевые наблюдения и экспертные интервью позволяют отметить высокую востребованность трассы для вывоза вологодского леса в Шарью и на территорию Нижегородской области, почти половина потока (в будний день в дневное время суток) — лесовозы с вологодскими номерами. В целом наличие этой трассы позволяет Никольскому району преодолевать собственную периферийность: *“вы думали, здесь медвежий угол, а здесь — пуп земли, мы равно удалены что от Вологды, что от Костромы, что от Нижнего Новгорода, что от Йошкар-Олы”* (из интервью с действующим главой Никольского муниципального района). Судя по тому, насколько живее Никольский район выглядит на фоне своих соседей, в этих словах есть доля правды. Именно в Никольском районе работает механизм “опорный фермер” и разводят скот мраморных пород, здесь развивается сельский туризм (уже начали работу детский парк развлечений и “Ранчо по-русски”), отмечаются очень высокая на фоне всех соседей продуктивность молочного скота (свыше 8000 кг против 3000–4000 кг во всех соседних районах), увеличивается площадь обрабатываемых сельскохозяйственных земель, работает один из немногих сохранившихся льнозаводов, сохраняется большое число местных лесозаготовителей.

Еще один небольшой коридор существует на границе Бабушкинского и Чухломского районов, он соединяет лесопункт на Монзенской железной дороге Ида (с вологодской стороны) и Судай-

центр упраздненного еще в 1960-е годы Судайского района — с костромской. Эта дорога не имеет асфальтового покрытия и используется только местными жителями. В частности, по ней жители Бабушкинского района ездят на работу к костромским лесозаготовителям, но это редкая практика. Хотя связи между Идой и Судаем сохраняются, в том числе и потому, что жителями лесопункта нередко становились выходцы из Костромской области, и после упразднения лесопункта часть из них вернулись в родной регион.

Наличие дороги не всегда способствует межрегиональной коммуникации. Так, вологодские лесозаготовители не арендуют лесные участки в Костромской области — действует негласный региональный протекционизм со стороны Костромской области — приоритет на лесных аукционах отдается костромским арендаторам. Вместе с тем для торговых сетей и предприятий такие дороги удобны. Так, Никольское РайПО закупает продукцию, в том числе и в соседних районах Костромской области; торговые сети пользуются складскими мощностями Шарьи и других районов; Никольский молокозавод реализует свою продукцию в нескольких районах Костромской области.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Базовыми для формирования современных территориальных структур сельского расселения и организации хозяйства на территории приграничных районов обеих областей являлись физические границы. Наибольшее влияние имел водораздел между Волжским и Северодвинским речными бассейнами. По классификации Б.Б. Родомана региональная граница относится к экстремальному типу (Географические ..., 1982). Отличительной чертой этого типа является разнонаправленность потоков, в данном случае речных, при этом природные различия между разделяемыми районами критическими не являлись. Вдоль речных потоков формировались поселенческие ареалы, их границы в совокупности с физико-географическими рубежами сформировали комплексную границу, которая легла в основу нынешней административной между Вологодской и Костромской областями.

Сложившаяся система по своей структуре похожа на “пассивную барьерную зону” (Каганский, 2022), однако ее устройство имеет ряд отличий от теоретической модели из-за своей неоднородности. В случае формирования такой полосы Государственный природный заповедник “Кологривский лес” созданный в 2006 г., должен был располагаться вдоль границы по обе стороны, но он находится в пределах только Костромской области, вытянут субмеридионально и не выходит к региональной границе.

В целом вся приграничная полоса теряет население и переживает очередную волну трансформации локальной экономики и эти процессы не сводятся исключительно к рецессии, они разнонаправленны. В одних районах, например в средней части приграничной полосы с костромской стороны и соседнем Бабушкинском районе с вологодской стороны, аграрное хозяйство сжимается до небольших очагов фермерства, чья деятельность направлена на удовлетворение местного спроса, в то же время идет развитие лесного комплекса, сильно зависимо от региональных институциональных условий. В других районах, например Тотемском, идет модернизация и поляризация хозяйства: появляются крупные современные молочные комплексы на фоне забрасывания других хозяйств, не вписавшихся в современные условия. Где-то происходит смена и расширение аграрной специализации, параллельно идет развитие лесозаготовок и деревообработки. На дифференциацию социально-экономического развития в большей степени влияют местные институциональные условия и положение районов в пределах центр-периферийных отношений своих регионов.

Как показывает опыт Никольского района Вологодской области, пересекающие региональную границу дороги оказывают значительное влияние на территориальное развитие: создание транзитных потоков и межрегиональный обмен становятся ключами к той депериферизации, о которой нередко пишут в зарубежных публикациях (Beick and Lang, 2017) о периферийности и ее преодолении. В пределах регионов межрайонные коммуникации также способствуют развитию территорий: более благополучную ситуацию с вологодской стороны почти можно объяснить и наличием сквозной магистрали, связывающей районы между собой, в то время как с костромской стороны межрайонные связи очень слабые, поскольку федеральная трасса, повторяющая направление региональной границы, проходит значительно южнее.

ВЫВОДЫ

Административная граница между Костромской и Вологодской областями — это долгое время существующий рубеж, обусловленный водораздельной ролью Северных Увалов и разнонаправленностью потоков заселения и хозяйственного освоения. Исторически она не была искусственным административным барьером, а, скорее, маркировала реально существующий рубеж не только между губерниями, но и между макрорегионами, хотя физико-географические условия для ведения хозяйства по обе стороны границы были схожими.

Сформировавшаяся вдоль региональной границы полоса районов стремительно теряет население на протяжении длительного периода, но

она так и не превратилась в однородную барьерную зону. По обе стороны границы прослеживается градиент запад—восток, обусловленный удалением от административных центров регионов и федеральной трассы М8. В центральной части границы он меняет знак, и показатели вновь растут к востоку, где сохраняется влияние некогда более благоприятных для жизни и аграрного освоения агроклиматических условий, а также сильнее развито транспортное сообщение с соседними регионами благодаря трассе Никольск—Шарья.

Нарастают контрасты между регионами, это становится заметным не только в аграрном и лесном секторах, где удельные показатели по большинству районов с вологодской стороны в разы превосходят значения в районах Костромской области, но и в заселенности и размещении населения. Здесь сказываются как различия в институциональных условиях ведения бизнеса по обе стороны границы, так и куда более низкая связность и транспортная доступность многих приграничных районов Костромской области, обусловленная исторически сформировавшимися направлениями транспортных путей и потоков.

Для изменения ситуации, пока приграничная полоса не превратилась в зону процветающего природного и необратимо гибнущего культурного ландшафта, важны своевременные усилия не только властей каждого региона, но и сопредельных с ними областей. Конкуренция с соседним регионом (за ресурсы, зоны сбыта и др.) нередко блокирует любые попытки диалога между представителями власти и бизнеса обеих областей для решения локальных проблем. Представители региональной власти редко готовы видеть перспективы горизонтального взаимодействия с соседями, предпочитая выстраивать отношения с федеральным центром, откуда идут основные финансовые потоки. Остается надеяться на представителей местных сообществ и местного бизнеса, которые будут в состоянии самостоятельно наводить мосты и преодолевать барьерность давно сложившегося исторического рубежа для сохранения жизни по обе стороны границы.

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ № 21-17-00112.

БЛАГОДАРНОСТИ

Авторы благодарят Александра Веприцкого, Олега Крутова и Наталью Греля за помощь в проведении экспедиционных исследований; Алексея Зайцева и Алексея Новосёлова — за консультации.

FUNDING

The study was supported by the Russian Science Foundation grant no. 21-17-00112.

ACKNOWLEDGMENTS

The authors would like to thank Alexander Vepritsky, Oleg Krutov, and Natalia Grelya for their help in carrying out field studies; Alexey Zaitsev and Alexey Novosyolov for consultations.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверкиева К.В.* Внутрисельская миграция населения и локальные процессы трансформации сельской местности в лесной зоне староосвоенного Нечерноземья // Изв. РАН. Сер. геогр. 2021. Т. 85. № 6. С. 828–841.
<https://doi.org/10.31857/S2587556621060066>
- Аверкиева К.В.* Постсоветская трансформация лесных поселков на севере Нечерноземья // Крестьяноведение. 2021. Т. 6. № 3. С. 90–110.
<https://doi.org/10.22394/2500-1809-2021-6-3-90-110>
- Баранский Н.Н.* Экономическая география СССР: обзор по областям Госплана. М.—Ленинград, 1927. 336 с.
- Вендина О.И., Зиновьев А.С.* Пограничность и периферийность: к вопросу о контексте формирования калининградской идентичности // Мир России. 2022. Т. 31. № 2. С. 118–143.
<https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-2-118-143>
- Волго-Вятский район. Экономико-географическая характеристика / сост. Г.П. Матвеев, Г.А. Приваловская, Б.С. Хорев. М.: Географгиз, 1961. 535 с.
- Географические границы / под ред. Б.Б. Родомана и Б.М. Эккеля. М.: изд-во МГУ, 1982.
- Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / под общ. ред. П.П. Семенова. Т. 6: Москва и Московская промышленная область. Ч. 1. М.—СПб., 1898. 301 с.
- Каганский В.Л.* Лимнологические этюды (результаты авторских исследований в общей и географической лимнологии за 40 лет) // Региональные исследования. 2022. № 3. С. 5–22.
<https://doi.org/10.5922/1994-5280-2022-3-1>
- Каганский В.Л.* Внутренняя периферия — новая растущая зона культурного ландшафта России // Изв. РАН. Сер. геогр. 2012. № 6. С. 23–34.
- Калуцков В.Н.* Русский Север: региональный культурный ландшафт и его вековые циклы // Изв. РГО. 2005. № 5. С. 43–57.
- Каплин В.Н.* Государева дорога. <https://litresp.ru/chitat/ru/K/kaplin-vadim-nikolaevich/gosudareva-doroga/15> (дата обращения 04.08.2023).
- Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В.* Роль миграций в усилении контрастов расселения на муниципальном уровне в России // Изв. РАН. Сер. геогр. 2016. № 5. С. 46–59.
- Кузьминов И.Ф.* Социально-экономические проблемы лесопромышленного комплекса на севере Европейской России (на примере Костромской области) // Изв. РАН. Сер. геогр. 2010. № 5. С. 31–43.
- Колосов В.А.* Исследования границ в современном мире: прогресс теории и основные направления // Региональные исследования. 2022. № 3. С. 23–36.
<https://doi.org/10.5922/1994-5280-2022-3-2>
- Нефедова Т.Г.* Поляризация социально-экономического пространства и перспективы сельской местности в староосвоенных регионах Центра России // Крестьяноведение. 2021. Т. 6. № 1. С. 126–153.
<https://doi.org/10.22394/2500-1809-2021-6-1-126-153>
- Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И., Шелудков А.В.* Полимасштабный подход к выявлению пространственного неравенства в России как стимула и тормоза развития // Изв. РАН. Сер. геогр. 2022. Т. 86. № 3. С. 289–309.
<https://doi.org/10.31857/S2587556622030128>
- Ойкумена Ближнего Севера России: коллективная монография / сост. и общ. ред. Н.Е. Покровского и Т.Г. Нефедовой. М.: Университетская книга, 2016. 264 с.
- Пшеницын Д.А.* Солигаличский торговый тракт, или История волости Толшма (XVII–XX вв.): Толшменское сельское поселение, Тотемский район Вологодской области. Архангельск: Лоция, 2019. 575 с.
- Родоман Б.Б.* Экологический потенциал административных границ // Региональные исследования. 2022. № 3. С. 54–59.
<https://doi.org/10.5922/1994-5280-2022-3-5>
- Северо-Запад РСФСР. Экономико-географическая характеристика. М.: Мысль, 1964. 652 с.
- Солдатова Н.В.* Динамика расселения Вологодской области во второй половине XX — начале XXI века. Вологда: ВГПУ, 2010. 166 с.
- Староосвоенные районы в пространстве России: история и современность / сост. и науч. ред. Т.Г. Нефедова, ред. А.В. Старикова. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2021. 379 с.
- Тархов С.А.* Административно-территориальное деление России XVIII–XX веков // Отечественные записки. 2002. № 6. С. 118–125.
- Шувалов В.Е.* Теоретическая лимнология как междисциплинарное научное направление // Региональные исследования. 2022. № 3. С. 37–43.
<https://doi.org/10.5922/1994-5280-2022-3-3>
- Beick B., Lang T.* Re-thinking non-core regions: Planning strategies and practices beyond growth // European Planning Studies. 2017. Vol. 2. № 26. P. 213–228.
<https://doi.org/10.1080/09654313.2017.1363398>
- Kühn M.* Peripheralization: Theoretical concepts explaining socio-spatial inequalities // European Planning Studies. 2013. Vol. 23 (2). P. 367–378.
<https://doi.org/10.1080/09654313.2013.862518>

Are “Bear Corners” Homogeneous: Differentiation of Regions Along the Vologda–Kostroma Border

K. V. Averkieva^{1, 2, *} and F. V. Zernov²

¹*Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

²*HSE University, Faculty of Geography and Geoinformation Technologies, Moscow, Russia*

*e-mail: k_averkieva@igras.ru

The article considers a strip of municipal districts on the border of Kostroma and Vologda oblasts—a territory that simultaneously belongs to the periphery of both regions, the periphery of economic regions and modern federal districts, and the inner periphery of European Russia. The territories under consideration are part of the old-developed non-Chernozem zone, which is characterized by rapid depopulation and shrinkage of the developed space. The purpose of the study is to identify the spatial differentiation of areas along the border and its role in the formation of differences between the territories. Various methods were used: the study of historical maps, the analysis of modern statistics, methods of qualitative sociology, and field observations. The study showed the predominantly barrier function of the regional border, largely due to physical and geographical reasons—the watershed of the Volga and White Sea basins and the configuration of rivers along which local systems historically formed rural settlement pattern and transport corridors. The historical multidirectional spatial gravity of regions on different sides of the border, combined with institutional barriers, led to the differentiation of economic and social processes in municipal regions. Thus, the socioeconomic indicators of the regions on the Vologda side of the border are generally more prosperous and differ less from each other than on the Kostroma side. The study also revealed an extremely important role that interregional routes could play. With a general trend towards a reduction in the rural population and fragmentation of the local economy, the territories on both sides of the border are heterogeneous, and various combinations of place functions are formed. At the same time, it is premature to attribute a strip of peripheral territory in relation to many centers to the zone of a spontaneously formed natural reserve.

Keywords: interregional border, barrier function of the border, peripherality, non-Chernozem zone, Kostroma oblast, Vologda oblast

REFERENCES

- Averkieva K.V. Intra-rural migration of the population and local processes of transformation of rural areas in the forest zone of the old-developed Non-Chernozem regions. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2021, vol. 85, no. 6, pp. 828–841. (In Russ.).
<https://doi.org/10.31857/S2587556621060066>
- Averkieva K.V. Post-Soviet transformation of forest settlements in the north of the Non-Chernozem region. *Krest'yanoved.*, 2021, vol. 6, no. 3, pp. 90–110. (In Russ.).
<https://doi.org/10.22394/2500-1809-2021-6-3-90-110>
- Baransky N.N. *Ekonomicheskaya geografiya SSSR: obzor po oblastyam Gosplana* [Economic Geography of the USSR: an Overview of the Areas of the State Planning Committee]. Moscow; Leningrad, 1927. 336 p.
- Beick B., Lang T. Re-thinking non-core regions: Planning strategies and practices beyond growth. *Eur. Plan. Stud.*, 2017, vol. 26, no. 2, pp. 213–228.
<https://doi.org/10.1080/09654313.2017.1363398>
- Geograficheskie granitsy* [Geographical Boundaries]. Rodoman B.B., Ekkel B.M., Eds. Moscow: Mosk. Univ. Publ., 1982.
- Kagansky V.L. Inner periphery – a new growing zone of the cultural landscape of Russia. *Izv. Akad. Nauk, Ser. Geogr.*, 2012, no. 6, pp. 23–34. (In Russ.).
- Kagansky V.L. Limological studies (the results of the author's research in general and geographical limology for 40 years). *Reg. Issled.*, 2022, no. 3, pp. 5–22. (In Russ.).
<https://doi.org/10.5922/1994-5280-2022-3-1>
- Kalutskov V.N. Russian North: regional cultural landscape and its age-old cycles. *Izv. RGO*, 2005, no. 5, pp. 43–57. (In Russ.).
- Kaplin V.N. *Gosudareva doroga* [The Sovereign's Road]. Available at: <https://litresp.ru/chitat/ru/K/kaplin-vadim-nikolaevich/gosudareva-doroga/15> (accessed: 04.08.2023). (In Russ.).
- Karachurina L.B., Mkrtchyan N.V. The role of migration in enhancing settlement pattern contrasts at the municipal level in Russia. *Reg. Res. Russ.*, 2016, no. 6, pp. 332–343.
<https://doi.org/10.1134/S2079970516040080>
- Kolosov V.A. Border Studies: Development of the Theory and Major Trends in a Changing Geopolitical Environment. *Reg. Res. Russ.*, 2023, no. 4, pp. 652–662.
<https://doi.org/10.1134/S2079970523700946>
- Kühn M. Peripheralization: Theoretical concepts explaining socio-spatial inequalities. *Eur. Plan. Stud.*, 2013, vol. 23, no. 2, pp. 367–378.
- Kuz'minov I.F. Socio-economic challenges to the timber industry in the North-European part of Russia (case study of Kostroma oblast). *Reg. Res. Russ.*, 2011, no. 1, pp. 41–51.
<https://doi.org/10.1134/S2079970511010096>
- Nefedova T.G. Polarization of socio-economic space and prospects of rural areas in the old-developed regions of the Center of Russia. *Krest'yanoved.*, 2021, vol. 6, no. 1, pp. 126–153. (In Russ.).
<https://doi.org/10.22394/2500-1809-2021-6-1-126-153>

- Nefedova, T.G., Treivish A.I., Sheludkov A.V. Spatially Uneven Development in Russia. *Reg. Res. Russ.*, 2022, no. 12, pp. 4–19.
<https://doi.org/10.1134/S2079970522020071>
- Oikumena blizhnego Severa Rossii: kollektivnaya monografiya* [The Ecumene of the Near North of Russia: A Collective Monograph]. Pokrovsky N.E., Nefedova T.G., Eds. Moscow: Univ. Kniga Publ., 2016. 264 p.
- Pshenitsyn D.A. *Soligalichskii torgovyi trakt, ili istoriya volosti Tolshma (XVII–XX vv.): Tolshmenskoe sel'skoe poselenie, Totemskii raion Vologodskoi oblasti* [Soligalichsky Trade Tract, or the History of Tolshma Parish (XVII–XX Centuries): Tolshmenskoye Rural Settlement, Totemsky District of the Vologda Region]. Arkhangelsk: Lotsia Publ., 2019. 575 p.
- Rodoman B.B. Ecological potential of administrative borders. *Reg. Issled.*, 2022, no. 3, pp. 54–59. (In Russ.).
<https://doi.org/10.5922/1994-5280-2022-3-5>
- Severo-Zapad SSSR. Ekonomiko-geograficheskaya kharakteristika* [North-West of the RSFSR. Economic and Geographical Characteristics]. Moscow: Mysl' Publ., 1964. 652 p.
- Shuvalov V.E. Functions of Borders and Delimitation of the Basic Concepts of Theoretical Limology. *Reg. Res. Russ.*, 2023, no. 4, pp. 646–651.
<https://doi.org/10.1134/S2079970523701034>
- Soldatova N.V. *Dinamika rasseleniya Vologodskoi oblasti vo vtoroi polovine XX–nachale XXI veka* [Dynamics of Settlement of the Vologda Oblast in the Second Half of the 20th – Beginning of the 21st Century]. Vologda: VSPU Publ., 2010. 166 p.
- Staroosvoennye raiony v prostranstve Rossii: istoria i sovremennost'* [Old-developed Areas in the Space of Russia: History and Modernity]. Nefedova T.G., Starikova A.V., Eds. Moscow: KMK Publ., 2021. 379 p.
- Tarkhov S.A. Administrative-territorial division of Russia XVIII–XX centuries. *Otechestv. Zapiski*, 2002, no. 6, pp. 118–125. (In Russ.).
<https://doi.org/10.1080/09654313.2013.862518>
- Vendina O.I., Zinoviev A.S. Borderline and periphery: on the question of the context of the formation of Kaliningrad identity. *Mir Rossii*, 2022, vol. 31, no. 2, pp. 118–143. (In Russ.).
<https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-2-118-143>
- Volgo-Vyatskii raion. Ekonomiko-geograficheskaya kharakteristika* [Volga-Vyatka District. Economic and Geographical Characteristics]. Matveev G.P., Privalovskaya G.A., Khorev B.S., Eds. Moscow: Geografiz Publ., 1961. 535 p.
- Zhivopisnaya Rossiya. Otechestvo nashe v ego zemel'nom, istoricheskom, plemennom, ekonomicheskom i bytovom znachenii. T. 6: Moskva i Moskovskaya promyshlennaya oblast', ch. 1. Moskva – Sankt-Peterburg* [Picturesque Russia. Our Fatherland in its Land, Historical, Tribal, Economic and Everyday Significance. Vol. 6: Moscow and the Moscow Industrial Region, part 1. Moscow–St. Petersburg]. Semyonov P.P., Ed. St. Petersburg: Moscow, 1898. 301 p.